

СВЕТСКОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ЗАБЫТЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

Несмотря на закреплённый действующей Конституцией РФ 1993 г. светский характер государства [1], вопросы, касающиеся присутствия религии в публичной сфере, а именно - отношения религиозных организаций с государством, обществом и друг с другом, относятся к числу наименее разработанных норм права в современной России. Наглядное свидетельство тому, с одной стороны, появление разного рода православно-клерикальных концепций, подменяющих смысл существующих конституционно-правовых норм [2], повсеместное участие духовенства РПЦ МП в религиозных церемониях, проводимых где угодно и по любому поводу (освящение школ, «заводов, газет, пароходов» и т. д., появление молелен одной вероисповедной юрисдикции в стенах государственных и муниципальных учебных заведений, участие «первых лиц» разных уровней власти в восстановлении инфраструктуры МП и их многочисленные тематические заявления), с другой - совершенно неразработанное законодательство, касающееся демонстрации религиозных символов [3], порядка доступа религиозных организаций к светским СМИ, строительства объектов, необходимых религиозным организациям для осуществления ими видов своей уставной деятельности [4]. Даже в тех случаях, когда властные структуры предпринимали попытки выстраивать отношения с религиозными организациями в соответствии с конституционным принципом светскости, как это было в случае разрешения обучения детей религии за пределами сетки учебного времени в помещениях общеобразовательных школ в соответствии с желаниями родителей [5], такие инициативы власти не получали своего логического развития.

На данный же момент основным субъектом, определяющим параметры светскости в России, выступает уже не государство, а РПЦ. Так, недавно известный миссионер и спичрайтер Московского Патриархата протодиакон Андрей Кураев представил свое определение светскости. Согласно ему, "светский – значит неконтролируемый и нефинансируемый церковной властью – и всё" [6]. В реальности, как было показано выше, похожее понимание светскости разделяется сегодняшней российской государством. Если же говорить о самом определении Кураева, то оно выводит светскость не только из правовой плоскости, но и вообще из сложившегося научного дискурса, что усложняет на обозримую перспективу ведение общественного диалога по данной проблематике. Парадокс: есть Конституция, но основные акторы политических и общественных процессов не готовы к ней апеллировать.

Таким образом, *de-jure*, согласно прописанной в Конституции норме, Россия остаётся светским государством, тогда как *de-facto* положение дел в постсоветской России напоминает ситуацию, имевшую место в период существования Временного правительства с лишённым части привилегий (подобающих государственной церкви) господствующим вероисповеданием, при этом никак и в чём не ограниченном в своих публичных действиях и притязаниях с минимумом государственных, а, стало быть, и социальных обязательств. В этой связи будет нелишним отметить, что сложившаяся за последние 20 лет в РФ конструкция религиозно-общественных отношений не получила вообще никакого названия (она

пока даже не стала предметом экспертной рефлексии), как и то, что государственно-конфессиональные взаимодействия в России не поддаются ни самонастраиванию, ни выстраиванию государством в соответствии со стандартами одной из двух известных современности моделей - кооперационной или сепарационной.

Первый постсоветский этап: от конституционных деклараций к следованию за настроениями электорального большинства (1993-1999)

Все три выделяемых нами этапа постсоветской истории России, которые связаны с изменением фактических трактовок светскости российским государством, гражданами, общественными группами и религиозными объединениями, связаны с деятельностью трёх последовательно сменявших друг друга глав государств. Что, в целом, неудивительно, учитывая гиперпрезидентский характер Российской Конституции образца 1993 г.

С именем первого президента России Бориса Ельцина связано принятие Конституции, в которой впервые в Российской истории провозглашался светский характер государства. Светское государство пришло на смену государству атеистическому.

Как указывает американская исследовательница религиозного права Элизабет Сьюэлл, 14-я статья Российской Конституции «содержит четыре различных аспекта: светскость государства, отсутствие поддержки религии государством, отделение религиозных объединений от государства, равенство религиозных объединений перед законом» [7]. Под светским характером государства, продолжает автор, понимается: «запрет на утверждение государственной религии, обязательной религии или официального государственного предпочтения особой религии» [8].

РПЦ МП не оказала никакого влияния на принятие Российской Конституции. В немалой степени потому, что базовый набор религиозных свобод был уже заложен союзным и российским законами о свободе совести, которые были приняты в октябре 1990 г. (После распада СССР союзный закон был упразднён). Правда, уже к лету 1993 г. руководство РПЦ сформулировало позицию в части изменения религиозного закона. МП одобрила законодательные меры парламентариев, направленные на ужесточение контроля за религиозной деятельностью, главным образом, за т.наз. иностранными миссиями и миссионерами. Оппозиционный президенту Ельцину парламент проголосовал за эти поправки. Однако, глава государства их отклонил. Параллельно, неудачей обернулась для руководства РПЦ МП {и персонально для митрополита Кирилла (Гундяева)} попытка примирить стороны в гражданском противостоянии в сентябре-октябре 1993 г..

Ко времени принятия Конституции РФ в руководстве РПЦ стали оформляться представления о желаемом идеале существования церкви в условиях современного государства, невмешивающегося во внутрицерковные дела. Наиболее полно это представление было выражено в идеологеме **«симфонии»**. ***Этим термином обозначается равенство и партнёрство церкви и государства, при этом и то, и другое, понимаются именно как власти (власть духовная и власть государственная/светская)*** при условии признания государством титульного статуса РПЦ МП, сохранения автономности внутреннего церковного устройства и возможности высказывать собственные взгляды по общественно-значимым проблемам.

По мере приближения сначала парламентских декабря 1995 года, а затем и президентских июня 1996 года выборов, религиозная тема стала частью ценностного противостояния коммунистическо-патриотического и либерального политических лагерей.

В таких условиях и законотворческое, и практическое становление светского государства в близком к конституционному пониманию светскости происходить вряд ли могло. Напротив, формировавшаяся право-либеральная «партия власти» «Наш Дом Россия!» взяла на вооружение лозунги своих идеологических оппонентов, связанные с духовной составляющей и, по мнению многих экспертов, даже перешеголяла тех в антисветской риторике.

В сентябре 1997 г. Борис Ельцин подписал новую редакцию закона "О свободе совести и о религиозных объединениях". "Компромиссный" документ, вышедший из недр президентской администрации, успокоил страсти в обеих палатах Федерального собрания и руководстве политических партий. Кроме того, новый закон подвёл итог, как минимум, четырёхлетнему политико-идеологическому и мировоззренческому противостоянию. На его продолжение в тот момент сил ни у кого не хватило. И на сей раз наиболее радикальные предложения чистки закона прошли в довольно смягчённом варианте при помощи отсылочных норм. Поэтому пик законотворчества в развитие конституционного принципа светскости приходится на переходные 1998-2000 гг., когда потребовалось делать много правовых уточнений, относящихся к принятому закону. Но с учётом специфики закона они носили локальный характер: несмотря на своё название 90 % норм, которые содержит закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», относятся к регулированию вопросов приобретения и утраты объединениями верующих статуса юридического лица.

Российский религиозный закон образца 1997 г. продемонстрировал завидную живучесть на фоне тех изменений, которые коснулись других сфер российского законодательства в 2000-е гг..

Этап второй: «традиционные» выделены (2000-2007)

Однажды в своём интервью Владимир Путин заявил о выделенности в России «традиционных религий» согласно действующему российскому закону. Дело здесь, пожалуй, не в незнании конкретики (что вполне допустимо), а в понимании лидером государства существа социальных процессов, роли и значения отдельных партий и общественных групп. Если кратко: есть главные, так сказать, «цементирующие», а есть второстепенные, последние могут существовать, так сказать, не определяя общей «погоды». В 2000-е постепенно при активном участии нового популярного среди широких общественных слоёв главы государства завершается поиск постсоветской национальной идеи, начатый в середине 1990-х с посылки непопулярного Бориса Ельцина. Для определения российской специфики стали использовать термины «управляемая демократия», а впоследствии «суверенная демократия». В период президентства В.Путина сохраняется общая тенденция следования власти в формировании религиозной политики настроениям электорального большинства. Стабилизация режима напрямую связана с его сакрализацией в том числе и с участием в этом процессе крупнейшей деноминации. Однако, отец-основатель новой политической системы стремился не допустить усиления столь высокорейтинговой структуры как РПЦ. Это проявилось в стремлении не обсуждать проблему со ссылкой на принцип светскости (общественная дискуссия вокруг «письма академиков» показала серьёзную

поддержку идей светскости в российском обществе), а оттягивать решения по просьбам МП о повсеместном введении в светских общеобразовательных школах ОПК, которые сопровождались подчас применением с церковной стороны нестандартных ходов, игры на патриотических чувствах чиновниках и использованием ведомственных противоречий.

Этап третий: рейтинг РПЦ на службу тандему (2009-2010)

По завершении первого года правления президент Дмитрий Медведев в отличие от своего предшественника, который постоянно оттягивал решение вопросов об организации капелланской службы в армии и введения ОПК в школах, пошёл на достаточно радикальные шаги. Формально глава государства продиктовал условия двух экспериментов, с которыми согласились в РПЦ МП. Оба, надо заметить, весьма слабо согласуются с принципом светскости. Появление капелланов и религиозно-ориентированного предмета мотивируется не удовлетворением религиозных потребностей военнослужащих или учащихся из верующих семей, а прежде всего воспитательными потребностями.

Неожиданно, но как бы в ответ на религиозные начинания президента Д.Медведева, Владимир Путин в качестве главы правительства выступает инициатором фактической реституции государственного имущества религиозного назначения, основным получателем которой в России со всей очевидностью, станет РПЦ МП. Из недр правительства выходит крайне спорный законопроект, касающийся общенациональных музейных ценностей. По первоначальной концепции документа от участия в судьбе передаваемых «на хранение» из музеев в храмы и монастыри реликвий отстранялись представители влиятельного профессионального искусствоведческого сообщества. На очереди закон о социальном партнёрстве государства с религиозными организациями. Однако, в этом случае, руководство РПЦ МП не проявляет большой заинтересованности и рассмотрение документа проходит крайне медленно [9].

Выводы:

- Становление законодательной базы постсоветской России в качестве светского государства остановилось на рубеже 1990-х-2000-х, даже решения ЕСПЧ, оборачивающиеся выплатами пострадавшим немалых бюджетных средств, не приводят к изменениям.
- В настоящее время в российских условиях значение и общественный вес институтов определяется их рейтингами, как следствие, и светскость государства оказалась заложником рейтингов: главы государства, главы правительства, правящей партии, РПЦ.
- Изменений ситуации и возврат к проблематике построения светского государства сопряжён с деформацией сегодняшней конструкции высоких рейтингов.

Примечания и использованные источники:

1. Конституция РФ. Статья 14: 1. Российская Федерация - светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Статья 19: 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения,

- имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Статья 28: Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Статья 29: 1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. 5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.
2. Это и реанимация средневековой византийской теории «симфонии» духовной и светской властей, и постоянное упоминание о «государство-и-культурообразующей роли» православия и государственной церкви-предшественницы РПЦ МП в истории России, и повсеместное использование терминов «традиционные» или «нетрадиционные» религии/конфессии, и адресованное другим деноминациям требование соблюдать сугубо внутреннюю норму православного церковного права о церковной «канонической территории», и требования исходить в правовой практике из приоритета корпоративных и групповых прав над индивидуальными (гражданскими).
  3. Весьма показательна жалоба, поданная в ЕСПЧ семьей протестантов Перовых из Воронежской области. Суды, сначала районный, а затем и областной, отказали в удовлетворении их иска о возмещении морального вреда в связи с проведением религиозной церемонии священником РПЦ МП в классе общеобразовательной школе. Невольным участником обряда стал их сын-первоклассник. Российские суды признали правомерным проведение религиозных обрядов в светском муниципальном образовательном учреждении, поскольку те проводились за несколько минут до начала занятий, т.е. во внеучебное время. Как оказалось, хотя проведение религиозных обрядов в российских школах запрещено, в российском законодательстве не предусмотрены меры административного или уголовного воздействия в отношении нарушителей запретов.
  4. Юридически урегулированным посредством многочисленных судебных разъяснений можно назвать совокупность вопросов, связанных с проведением уличных религиозных. На практике, однако, эти нормы довольно часто в отношении протестантских религиозных организаций, не соблюдаются.

5. Имеется в виду письма Министерства образования Российской Федерации органам управления образованием субъектов Российской Федерации № 14-52-87бин/16 от 22.10.2002 и № 01-51-013ин от 13.02.2003г.
6. См.: Михаил Жеребятъев. Профессорский гамбит. В Чистом переулке не знают наверняка, чью сторону примет российская власть, давшая старт эксперименту с ОПК. Комментарий дня / <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=75705&type=view>
7. Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. – М., 2003. – С. 46
8. Там же. – С. 47
9. Митрополит Иларион (Алфеев) глава ОБЦС пожаловался на нестабильный доход, который не даёт РПЦ возможности участвовать в социальных программах. <http://vera.vesti.ru/videos?vid=67492>

В. ШЕВЧЕНКО (Київ, Україна)

ІСТИННІСТЬ РЕЛІГІЇ І ПРОБЛЕМИ МІЖКОНФЕСІЙНОГО ДІАЛОГУ

Серед безлічі питань, якими переймаються чи з якими пов'язані найрізноманітніші релігії світу, проблема істини та істинності посідає чи не найважливіше місце. Наріжним каменем розмірковувань постає вона і в монотеїстичних релігіях, де істина зазвичай вважається первинною щодо реальності і розглядається як першосутність, фактично ототожнюючись з Богом. У цьому сенсі мав рацію М. Бердяєв, коли, проголошуючи, що «немає релігії вищої за Істину», зазначав: «В останній глибині Істина є Богом і Бог є Істиною» [Бердяєв Н. Істина и Одкровение. Прологомены к критике Одкровения / Сост. и послесловие В. Г. Безсонова, примеч. – СПб., 1996. – С. 21]. Відтак, у релігійному сенсі, як то й резюмує видатний богослов ХХ століття, істина не є реальністю і не є відповідністю реальності, а виступає смислом реальності, її верховною якістю та цінністю [Там само. – С. 21]. А це означає, що між релігією, яка опирається на надприродне начало, і наукою, що базується на дослідно-експериментальній основі, існує принципова і в суті своїй нездоланна відмінність. Перша на питальне: «Що, чи вірніше, Хто є істина?» – відповідає: «Бог (Вища сутність, Абсолют ...）」 і здебільшого знаходить своє підтвердження в індивідуально-особистісному досвіді містичного богопереживання та/або в теологічному обґрунтуванні віронавчальних положень, а друга - потребує обов'язкової верифікації, тобто дослідної перевірки та підтвердження на відповідність заданому алгоритму. А відтак істиною й істинним, у першому випадку, вважатиметься узгіднене з божественним Одкровенням і трансцендентно пережите свідчення (=освянення) про Того (=Того), Хто визнається Абсолютною Істиною, тоді як у науці під істиною зазвичай розуміється мисленнева копія досліджуваного предмета чи явища або ж його логічно доведена реальність чи закономірність існування. Звідсіля випливає, що богословські підходи до